

Плаксицкая Н. А. Рецепция явления самозванства в творчестве М. А. Булгакова 1920-х годов / Н. А. Плаксицкая // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 265—281. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-265-281.

Plaksitskaya, N. A. (2023). Reception of Imposture Phenomenon in Mikhail Bulgakov's Work 1920s. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 265-281. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-265-281. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-265-281

**Рецепция явления
самозванства в творчестве
М. А. Булгакова
1920-х годов**

Плаксицкая Наталья Александровна
orcid.org/0000-0002-5086-9412
кандидат филологических наук
доцент кафедры литературоведения
и журналистики
nplak@yandex.ru

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

**Reception of Imposture
Phenomenon in Mikhail
Bulgakov's Work 1920s**

Natalya A. Plaksitskaya
orcid.org/0000-0002-5086-9412
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Literary Studies
and Journalism
nplak@yandex.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

© Плаксицкая Н. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется рецепция явления самозванства в «московских» повестях М. А. Булгакова 20-х годов: «Дьяволиаде», «Роковых яйцах» и «Собачьем сердце». Актуальность изучения проблемы обусловлена тем, что рецепция представляет собой не процесс репликации или реконструкции первичных признаков явления, а их переосмысление. Исследование рецепции самозванства продемонстрировало, какие именно фрагменты первичного культурного кода феномена самозванства остались, а какие модифицировались после актуализации в новых условиях. Делается попытка проследить эволюцию и усложнение образа самозванца от «Дьяволиады» и «Роковых яиц» к «Собачьему сердцу». Особое внимание уделяется способам репрезентации явления «бытового самозванства». Определено, что «самозванство» предстает в двух вариантах: вынужденное (поневоле) и осознанное (являющееся результатом сознательного выбора персонажа). Выявлены основные способы проявления самозванства в повестях: присвоение чужого / утрата своего имени или звания, занятие чужого места / должности, навязывание новых ролей, театральное / актерское поведение героев, «ряжение» (передевание) персонажей. Сделан вывод о том, что в основе явления самозванства в сатирических повестях лежит психологический «ролевой» конфликт, обусловленный проблемой идентификации личности в социуме.

Ключевые слова:

Михаил Булгаков; Дьяволиада; Роковые яйца; Собачье сердце; самозванство; самозванец; мнимое самозванство; самозванство идейное; самозванство антропологическое; самоидентификация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The reception of the phenomenon of imposture in the “Moscow” stories of M. A. Bulgakov in the 1920s: “Diaboliade”, “Fatal Eggs” and “Heart of a Dog”. The relevance of studying the problem is due to the fact that reception is not a process of replication or reconstruction of the primary features of the phenomenon, but their rethinking. The study of the reception of imposture demonstrated which fragments of the primary cultural code of the phenomenon of imposture remained, and which ones were modified after actualization in the new conditions. An attempt is made to trace the evolution and complication of the image of the impostor from the “Diaboliad” and “Fatal Eggs” to the “Heart of a Dog”. Particular attention is paid to the ways of representing the phenomenon of “domestic imposture”. It is determined that “imposture” appears in two versions: forced (involuntarily) and conscious (resulting from a conscious choice of a character). The main ways of manifestation of imposture in the stories are revealed: appropriation of someone else’s / loss of one’s name or title, taking someone else’s place / position, imposing new roles, theatrical / acting behavior of the characters, “dressing up” of the characters. It is concluded that the phenomenon of imposture in satirical stories is based on a psychological “role” conflict, due to the problem of identifying a person in society.

Key words:

Michael Bulgakov; Diaboliad; Fatal eggs; Dog’s heart; imposture; impostor; imaginary imposture; ideological imposture; anthropological imposture; self-identification.

Рецепция явления самозванства в творчестве М. А. Булгакова 1920-х годов

© Плаксицкая Н. А., 2023

1. Введение = Introduction

Самозванство в истории как явление общественной жизни возникало в периоды кризисов с целью корректировки политических сил в государстве: в моменты политической нестабильности народ искал замену «плохим» царям, выдвигая альтернативу из своих рядов. В. И. Даль отмечал, что «все бывшие на Руси возмущения происходили от самозванцев» [Даль, 2003, с. 133]. Русская история помнит и Лжедмитриев, и Лжепетров, и княжну Тараканову, и Емельяна Пугачева, и других претендентов на русский престол. «Вне русских пределов самозванство — довольно редкое и спорадическое, но, так сказать, “равномерное” явление <...>, — отмечает А. М. Панченко. — На Руси же оно ограничено четкими хронологическими рамками — от начала XVII века до крестьянской реформы 1861 года <...> Русское самозванство возникло тогда, когда поколебалось относительное единство средневековой идеологии. Низы пришли к мысли о соперничестве с властью, хотя в той же монархической оболочке» [Панченко, 1999, с. 22]. На первый план истории выдвинулся человек, «принявший чужое имя или звание, утаившийся под видом другого человека, выдающий себя за кого-либо иного» [Даль, 2003, с. 133], движимый желанием занять не принадлежащее ему от рождения положение. Происходя из низших классов и сословий, самозванцы претендовали на царский трон, выступая как нарушители канонов и реформаторы. Б. А. Успенский отмечает, что самозванство — это «специфический тип поведения», который «целиком вписывается в традиционную для России ситуацию, предполагающую вообще, наряду с правильным, нормативным поведением, антиповедение в тех или иных его формах; иными словами, самозванчество отвечает традиции антиповедения на Руси» [Успенский, 1994, с. 88—89]. По мнению В. О. Ключевского, «с легкой руки первого Лжедмитрия» самозванство, как вариант «русского бунта», имея антифеодальную направленность, стало «хронической болезнью государства» Российского [Ключевский, 1988, с. 26].

На протяжении четырех веков время Смуты и связанный с ним феномен самозванства обнаруживают себя как явление не только политической истории, но и социально-культурной жизни России. Начиная с середины XVIII века данная тема продуктивна в литературе, где яркие образы са-

мозванцев рождаются творческим сознанием писателей: А. А. Ржевский «Подложный Смердий» (1769); А. П. Сумароков «Дмитрий Самозванец» (1771); М. Н. Херасков «Ненавистник» (1774); А. А. Шишков «Лжедмитрий» (1828), А. С. Хомяков «Дмитрий Самозванец» (1833); М. П. Погодин «История в лицах о Дмитрие Самозванце» (1835); А. С. Пушкин «Борис Годунов» (1825), «Дубровский» (1833), «Капитанская дочка» (1836); Н. В. Гоголь «Ревизор» (1835); А. Н. Островский «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1867), А. К. Толстой «Царь Борис» (1870), А. А. Голенищев-Кутузов «Смута» (1879), А. Ф. Федотов «Годуновы» (1884), и т. д.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Интерес к сюжету о самозванцах во многом инициирован трудами по историографии В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова, В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, в которых в центре изучения — история России периода смуты начала XVII века, в том числе явление самозванства. В XIX веке в работах историков предпринята попытка систематизации данных о явлении самозванства в России [Мордовцев, 1901; Соловьев, 1868; Фирсов, 1910]. В исследованиях XX века самозванство рассматривается и как политический, и как социально-культурный феномен [Мауль, 2005; Пригов, 2001; Усенко, 2001; Смирнов, 2001].

Если в исторической науке самозванство изучено детально и обстоятельно, то в литературоведении обращение к этой проблеме имеет не столь длительную историю. Серьезные исследовательские работы появились только во второй половине XX века: осмысление исторических и социально-культурных истоков и причин проявления разных типов самозванства дается в трудах Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, А. М. Панченко и др. В конце XX — начале XXI веков отмечается интерес к мотиву и сюжету самозванства в русских исторических драмах XVIII века, посвященных эпохе «смутного времени» [Карушева, 1997; Макаренко, 2002], и в литературе XIX века, где обращение к мотиву и сюжету самозванства возникает в основном в связи с анализом творчества А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, на данный момент подробно изученном с точки зрения и жанровой специфики, и сюжетной реализации мотива [Поддубная, 1994; Злочевская, 2003; Полтавец, 2004; Снигирева, 2019 и др.].

Стимулом для научного внимания к проблеме самозванства в литературе стал очерк В. Г. Короленко «Современная самозванщина» (1896), в котором писатель подверг детальному анализу данное явление и выделил его типы: «самозванцев духовного прозвания» [Короленко, 1914, с. 273], «самозванцев гражданского ведомства» [Короленко, 1914, с. 315] и «самозванцев в литературе» [Короленко, 1914, с. 357]. Причина жизненности

самозванства в России, по мнению В. Г. Короленко, в «глубокой и распространенной тяжкой болезни “русской личности”, ищущей внешней опоры, легко от себя отрешающейся и так жадно стремящейся к чужим сильным личностям и положениям» [Короленко, 1914, с. 333]. Критик производит детальный обзор феномена и дает анализ психологии «повторяющегося у нас самозванства и хлестаковщины всякого рода» [Короленко, 1914, с. 272—273]. Он отмечает, что, исходя из побуждающих мотивов, следует различать самозванцев-«эстетов», присваивающих имя без определенной цели, и самозванцев «из корысти», движимых желанием выгоды. На рубеже XIX—XX веков явление, по мнению В. Г. Короленко, имеет чаще бытовой или психологический характер, потому что, «с одной стороны, время царственных призраков прошло, с другой — торжествует самозванческая мелкота», или «самозванство обыденное» [Короленко, 1914, с. 320]. Справедливость наблюдений писателя XIX века подтверждается в современных исследованиях. В статье «Характеры самозванцев в творчестве Пушкина» В. Н. Турбин продолжает мысль своего предшественника: «Кругом одни самозванцы! <...> От Гоголя к Достоевскому, и далее, в XX век, к нам: Михаил Булгаков, его «Мастер и Маргарита» — хоровод самозванцев, в котором и не разберешь, кто самозванец, а кто и не самозванец, быть может. А дальше что будет? Неизвестно, конечно. Неведомо. Но одно можно сказать достоверно: без самозванцев не обойдется, они хорошо прижились в русской литературе» [Турбин, 1994, с. 82]. По мнению исследователей, в литературе XX века отмечается эволюция самозванства, «его смысловой переход от статусной стадии (непреренно связующей самозванство с правящим родом) к ролевой (обыденно распространенной)» [Тульчинский, 2019, с. 221]. Данной точки зрения придерживаются И. П. Смирнов [Смирнов, 2001], С. Г. Ильенко [Ильенко, 2005], Г. Л. Тульчинский [Тульчинский, 2019], М. С. Арканникова [Арканникова, 2009].

Сниженный вариант, или «ролевой», по мнению исследователей, характерен для сатирических произведений А. Н. Толстого, И. Ильфа и Е. Петрова, М. М. Зощенко, М. А. Булгакова.

Объектом исследования в статье станут особенности реализации самозванства в творчестве М. А. Булгакова как один из вариантов рецепции данного явления в литературе XX века.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть особенности репрезентации самозванства в «московских» повестях М. А. Булгакова, проследить эволюцию образа самозванца от «Дьяволиады», «Роковых яиц» до «Собачьего сердца», выявить разнообразные формы «самозванства обыденного» [Короленко, 1914, с. 320], или «бытового самозванства» [Арканникова, 2009, с. 27], в данных текстах.

Под «бытовым самозванством» мы будем понимать специфику бытового поведения героя, «основанного на обмане с целью личной выгоды» [Там же, с. 27], предполагающего отказ от своей личности, замещение её «чужими» именами и ролями с целью придания себе большей значимости, а также к данной категории относим и вынужденное самозванство, возникающее вследствие узурпации имени или утраты документов.

Для решения поставленных задач использовались структурно-семантический и мотивный методы анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Мнимое самозванство, или самозванство поневоле: повесть «Дьяволиада»

Мотив самозванства заявляет о себе уже в первой из «московских» повестей Булгакова — «Дьяволиада» (1923), где главный герой Варфоломей Коротков непреднамеренно оказывается в роли «самозванца»: вначале из-за ошибки в приказе он теряет должность делопроизводителя, затем у него в трамвае крадут документы, а в завершение окружающие в нем начинают видеть разные личности. Так, какой-то «люстриновый старичок» принимает его за Колобкова Василия Павловича: «— Поз...вольте... Откуда же вы меня знаете?

— Хи. Шутник вы, Василий Павлович.

— Я — Варфоломей, — сказал Коротков и потрогал руками свой холодный и скользкий лоб, — Петрович.

Улыбка на минуту покинула лицо страшного старичка. Он уставился в лист и сухим пальчиком с длинным ногтем провел по строчкам.

— Что ж вы меня путаете? Вот он — Колобков, В. П.

— Я — Коротков, — нетерпеливо крикнул Коротков.

— Я и говорю: Колобков, — обиделся старичок» [Булгаков, 1992, с. 19—20].

Все служащие Центрснаба видят в нем другую личность: брюнетка из Бюро претензий принимает его за любовника («Вы ужасны... Из-за вас я не спала всю ночь и решила. Будь по-вашему. Я отдамся вам» [Там же, с. 32]). Следует заметить, что она же определяет еще новые самозванные амплуа для «тихого» Короткова: «соблазнитель» и «мой змий». Далее странный служащий, отрекомендовавшийся герою как Ян Собесский, признает в нем журналиста («Чем же вы нас порадуете? Фельетон? Очерк?» [Там же, с. 29]). Но и Ян Собесский оказывается самозванцем против своей воли, так как окружающие его связывают с последним королем Речи Посполитой («Представьте, многие изумляются, <...> но вы не подумайте, товарищ, что я имею что-либо общее с этим бандитом. О нет. Горькое

совпадение» [Там же, с. 28]). Герой даже *«подал заявление об утверждении новой фамилии — Соцвосский»*, что *«красивее и не так опасно»* [Там же, с. 28], стремясь избавиться от неприятных аналогий. Клубок навязываемых Короткову «ролевых» масок и ампула вытесняет в восприятии окружающих истинное лицо героя. Таким образом, делопроизводитель Главцентрабазспимата становится самозванцем против своей воли, его назначают на эту роль, он мнимый самозванец.

Ситуация построена в гоголевском ключе, но если Хлестаков в «Ревизоре» воспользовался открывшейся перспективой, принял с благодарностью новую роль, то «маленькому человеку» Короткову далеко до псевдоревизора, для него невозможен нравственный релятивизм, поэтому герой упорно пытается вернуть свою личность. Когда же делопроизводитель, утратив всякую надежду восстановить документы у «домового», получает, наконец, справку с бывшего места работы, его отчаянию нет предела, так как ему выдают новое удостоверение на другое имя, тем самым официально узаконивая самозванство: *«Все решительно помутилось в глазах Короткова, когда он прочел написанное на бумажке со штампом: «Предъявитель сего суть действительно мой помощник т. Василий Павлович Колобков», что действительно верно. Кальсонер»* [Булгаков, 1992, с. 25]. Герой, психологически раздавленный случившимся с ним, мечется в бесильном порыве все исправить.

В драматической ситуации Варфоломея Короткова максимально проявилась суть самозванства — постижение личностью своей «нулевой» ценности для общества (*«<...> я неизвестно кто. <...> ни арестовать, ни женить меня нельзя»*) [Там же, с. 36]), именно поэтому утрата официального документа переживается героем как вселенская катастрофа (*«У меня э... Произошло ужасное»*) [Там же, с. 29]), а наличие удостоверения, дополняющего полноту социального статуса человека, воспринимается как единственная возможность сохранения самости (*«<...> как ты арестуешь, ежели вместо документов — фига? Может быть, я Гогенцоллерн»*) [Там же, с. 36]).

Данная абсурдная ситуация провоцирует сумасшествие героя, и, доведенный до максимального психологического напряжения, он находит выход на крыше, которая становится, с одной стороны, образным символом алогичной социальной системы, а с другой — попыткой восстановления самости героя, избавления от навязываемой ему новой личности. С нее мнимый самозванец Коротков из фантазмагии странной галлюцинирующей реальности перемещается в реальность художественно-историческую, откуда «маленькому человеку» в настоящей истории приходится «выйти» столь страшным образом: смерть героя закономерна, это един-

ственно возможный способ «вернуть себя». В дьявольской советской бюрократической системе, установившейся в России после 1917 года, путь «к себе» возможен для героя через избавление от телесного, и только через принятие мученической смерти Коротков может сохранить внутреннюю свободу и «себя». Неслучайно Булгаков дает своему герою имя одного из двенадцати апостолов Иисуса Христа. Святой Варфоломей (Нафанаил) (*древне-греческое* Βαρθολομαῖος, *латинское* Bartholomæus) упоминается в Новом Завете, в Евангелии от Матфея (Мф. 10:3), от Марка (Мк. 3:18), от Луки (Лк. 6:14) как четвертый ученик Спасителя, стяжавший венец мученичества после смерти последнего тем, что доносил до людей слово Господа. И в «Дьяволиаде» травестированный апостол Варфоломей, не сумевший донести до других истину, принимает мученическую смерть, прыгнув с крыши одиннадцатизэтажного здания: *«С пронзительным победным кликом он подпрыгнул и взлетел вверх»* [Там же, с. 42]. Обращает на себя внимание важная деталь: герой *«взлетел вверх»*, а не упал вниз, как того требует закон физики. Этим полетом вверх, к свету, булгаковский герой получает освобождение от земных мытарств, он возвращает свою личность через избавление от телесной оболочки (*«Вмиг перерезало ему дыхание <...> Затем очень ясно увидел, что серое упало вниз, а сам он подымался вверх к узкой щели переулка, которая оказалась над ним»*) [Там же, с. 42]).

Смерть героя как вариант разрешения психологического конфликта проявляет изъян государственной системы, где личность без удостоверения является для общества самозваной, на весах закона документ перевешивает человека, а его утеря переводит живое в статус мертвого. Мотив самозванства, актуализируя оппозицию *«имя / документ»*, обнажил принципиально важную для М. А. Булгакова проблему зависимости человека от документа, сигнализирующую о деформации общественной системы, для которой делопроизводитель Коротков — «лишний человек».

3.2. Самозванство «от имени идеи» в повести «Роковые яйца»

Мнимое самозванство Варфоломея Короткова трансформируется в повести «Роковые яйца» (1924) в явное самозванство Александра Семеновича Рокка и становится толчком развития сатирической ситуации. В образе Рокка Булгаков реализует тип героя-авантюриста, который, не имея образования и профессиональных навыков, но обладая безграничной самоуверенностью и безрассудством, с энтузиазмом берется за государственно важное дело по восстановлению куроводства в стране, не задумываясь, к чему может привести его самонадеянность: *«Знаете что, — молвил Персигов, — вы не зоолог? нет? жаль... из вас вышел бы очень смелый экспериментатор... Да...»* [Там же, с. 84]. Голого энтузиазма и героического рвения оказалось мало, для успеха нужны научные знания и опыт, которых

не хватило даже приват-доценту Иванову, человеку со специальным образованием и научным званием, чтобы получить «красный луч жизни» и возобновить опыты над земноводными после смерти профессора Персикова. То есть, Рокк — авантюрист по своей природе и самозванец в профессии. Если самозванство Короткова поневоле, то выбор Рокка сознателен: предлагая государству свои услуги для борьбы с куриным мором, герой активно использует ситуацию, уже сложившуюся и как бы предложенную ему судьбой и историей. Столь ошеломительный карьерный взлет от флейтиста до директора экспериментального совхоза, государственного человека обусловлен наличием у героя авантюрно-игрового типа мышления: *«Играл на флейте сам заведующий совхозом Александр Семенович Рокк, и играл, нужно отдать ему справедливость, превосходно. Дело в том, что некогда флейта была специальностью Александра Семеновича»* [Там же, с. 92]. Имея артистичную натуру, такие персонажи, как Александр Семенович Рокк, легко меняют жизненные амплуа: герой *«бросился в открытое море войны и революции, сменив флейту на губительный маузер. Его долго швыряло по волнам, неоднократно выплескивая то в Крыму, то в Москве, то в Туркестане, то даже во Владивостоке. Нужна была именно революция, чтобы вполне выявить Александра Семеновича. Выяснилось, что этот человек положительно велик, и, конечно, не в фойе «Грез» ему сидеть»* [Там же, с. 92]. Иронический скепсис писателя прогнозирует возможность неограниченного количества вариантов самоутверждения героя.

Рокк — авантюрист с *«идеями в голове»* (*«Кому, желал бы я знать, пришла в голову мысль растить кур из яиц... — Мне, — ответил Рокк»* [Там же, с. 84]; *«<...> в номерах на Тверской «Красный Париж» родилась у Александра Семеновича идея, как при помощи луча Персикова возродить в течение месяца кур в республике»* [Там же, с. 92]), увлекаясь которой он впадает в экстагический энтузиазм, будь то выпуск газеты, орошение Туркестанского края или восстановление куроводства в республике Советов. Не смирившись с отправкой на заслуженный отдых (*«на горе республике кипучий мозг Александра Семеновича не потух»* [Там же, с. 92]) — опять иронизирует М. А. Булгаков, он сам находит применение своей бурной энергии, приходит туда, где его не ждали (иными словами, он — *самозванец*).

Г. Л. Тульчинский прав, заявляя: «Самозванство же может быть (и чаще всего) самозабвенным представительством “от имени” идеи, общности и т. д. Оно невменяемо, есть утрата себя, часто — бегство от себя вменяемого и ответственного в коллективизм, альтруизм и справедливость, оборачивающееся кошмаром для других. Выступая от коллектива, самозванец растаптывает любой коллектив в обыденной жизни, в политике, в менеджменте, в истории» [Тульчинский, 2019, с. 8—9]. Таким образом,

Рокк — самозванец идейный, «от имени» идеи он бросается с головой в любую авантюру, не боясь никаких трудностей, не задумываясь, принимает решения, не предполагая, а потому и не боясь никаких сложностей и преград. Но главное, что Рокк втягивает в свое авантурное поле всех окружающих, и уже образован совхоз «Красный луч», и уже профессор Персигов сам отдает научное открытие в руки непрофессионала. В итоге героическая самоотдача и рвение при выполнении служебного долга оказываются у Александра Семеновича не столько самозваной претензией, сколько попыткой восстановления личностью своей «самости».

В «Роковых яйцах» через мотив самозванства реализуется «“ролевая” форма причастности личности к миропорядку» [Тюпа, 1987, с. 54]. Александр Семенович Рокк — это собственно и не индивидуальность, а условная форма, в основе которой лежит игра различными «ролевыми» масками, укладывающимися в определенный семантический ряд: флейтист, революционер, редактор газеты, автор работ по орошению Туркестанского края, директор курсовхоза. Пред нами пример восполнения недостаточности «я» героя самозванными масками, но «я» Рокка из-за внутренней ограниченности не может восстановить целостность в своем новом амплуа, поэтому наблюдается столь большая смена ролей, предопределяющая скорое фиаско героя. Данное положение подчеркивается наличием у персонажа метафизической фамилии «Рокк», (кстати, при первом упоминании в тексте фамилия героя написана с одной буквой «к»: « — Рок с бумагой? Редкое сочетание» [Булгаков, 1992, с. 142]). В словаре Макса Фасмера дается следующие толкование значения слова «рок»: «рок I род. п. рѹка “судьба”, диал. “год, срок”, зап., южн. (Даль), укр. рік, род. п. рѹку “год”, блр. рок, др.-русс. рокъ “срок, год, возраст; правило; судьба”, ст.-слав. рокъ провѣстіа (Супр.), сербохорв. рѹк, род. п. рѹка “срок, время”, словен. rŏk, род. п. rŏka “срок, рок, предзнаменование”» [Фасмер, с. 496—497]. Фамилия героя символизирует «бессилие человека перед происходящим, которое управляется некими высшими силами» [Круглов, 2003, с. 283].

Таким образом, Александр Семенович Рокк — пример идейного самозванца, которого увлеченность идеей приводит к отказу от себя, «ролевому» поведению, замещению личности новыми масками.

3.3. Псевдочеловек, или самозванец антропологический в повести «Собачье сердце»

В повести «Собачье сердце» (1925) самозванство реализуется в образе Полиграфа Полиграфовича Шарикова. Этот псевдочеловек (самозванный человек) появился в результате научного эксперимента профессора Преображенского по пересадке гипофиза человека дворовой собаке. Сырье для гомункула оказалось не очень высокого качества: Клим Чугункин, мужчина

25 лет, явно не из добропорядочных, (*«Судился 3 раза и оправдан. <...> Профессия — игра на балалайке по трактирам. Маленького роста, плохо сложен. Печень расширена (алкоголь)»* [Булгаков, 1992, с. 165]), жизнь которого закончилась в пьяной драке в пивной «Стоп-сигнал». Жил Клим Чугункин своей никчемной жизнью, пока случай не вознес его на верхнюю ступень социальной лестницы. Идея нового общества *«кто был ничем, тот станет всем»* в его ситуации реализовалась в полном объеме: человек без образования, без элементарных знаний и каких-либо нравственно-этических понятий вдруг становится выше остальных и требует подчинения и уважения. Второй участник научного эксперимента — дворовая собака Шарик, подобранная профессором Преображенским в подворотне. *«Преображение»* не состоялось, из безродной дворняги и маргинальной личности получился суррогат человека, еще недочеловек, но уже имеющий самозванные претензии к обществу (*«Вы стоите на самой низшей ступени развития» <...> «еще только формирующееся, слабое в умственном отношении существо»* [Там же, с. 184]). Эта самозванная персона, подкрепив жизненные притязания нужной бумагой, требует уважения и социальных привилегий: *«Вот. Член жилищного товарищества, и жилплощадь мне полагается определенно в квартире номер пять у ответственного съемщика Преображенского в шестнадцать аришин»* [Там же, с. 188]. Характеристики, данные герою, — *прохвост* [Там же, с. 202] и *дрянь* [Там же, с. 203] — рисуют его полный портрет и лишают иллюзий в исходе эксперимента по созданию нового человека: вместо улучшенного человека получился самозванец антропологический.

Шариков Полиграф Полиграфович — это персонаж с лицом, но не имеющий личности, так как, появившись путем соединения двух биологических единиц, отказываясь от наследственных качеств и имени, самозванец сам нарекает себе новую личность. Рождение самозванца происходит не в момент операции, а когда он сам выбирает имя случайным способом: *«Имя я себе совершенно спокойно могу избрать. Пропечтал в газете и шабаш!»* [Там же, с. 170]. Имя в системе социальных координат — это индивидуальная метка, являющаяся способом идентификации лица в социуме. Отказ от собственного имени, его замена выступают важным условием проявления самозванства. В повести «Дьяволиада» герой борется за право носить имя, данное при крещении, если у человека нет имени, то он *«неизвестно кто»*: *«— <...> Вот он — Колобков В. П. — Я — Коротков, — нетерпеливо крикнул Коротков. — Я и говорю: Колобков, — обиделся старичок»* [Там же, с. 20]. Для Короткова имя, отчество и фамилия — не только личное именование, а чрезвычайно значимая часть персонального мифа. Отказ от имени и, соответственно, от личности, которую это имя обозначает, приводит к мимикрии.

У Булгакова истинная ценность имени собственного травестируется. В русской традиции имя, данное при крещении, — это связь с Богом, отчество — с семьей, фамилия — с родом. «Памятование Богом имён значит вечное существование этих “я”, а окончательный разрыв с бытием равносильно забвению Богом имени или уничтожение его в Книге жизни», — отмечает П. Флоренский [Флоренский, 2001, с. 67]. О разрушении системы ценностей Булгаков заявляет в декларативной форме, когда в «Собачьем сердце» имя герою выбирают по календарю. В новой советской реальности личное наименование стало формальностью, мешающей человеку, поэтому от него без колебания избавляются, тем самым создается новая самозванная личность. В дегероизированной ценностной парадигме имя становится «бессодержательной оболочкой “я”» [Тюпа, 1999, с. 472], пустой, не имеющей индивидуального лица. Если в предшествующей литературной традиции «самозванец никогда не бывает просто вором, похитителем чужого имени, хотя обычно в нем видят только эту сторону» [Турбин, 1994, с. 75], то у Булгакова самозванцы с легкостью присваивают себе чужое имя, занимают не принадлежащее им место, должность и заодно привилегии, ущемляя в правах других.

Как форму выражения шариковского презрения к собственной личности следует рассматривать и «ряжение» героя в новый костюм. Имея обычную, *«несимпатичную наружность»* (*«человек маленького роста и несимпатичной наружности. Волосы у него на голове росли жёсткие, как бы кустами на выкорчеванном поле, а лицо покрывал небритый пух. Лоб поражал своей малой вышиной. Почти непосредственно над чёрными кисточками раскиданных бровей начиналась густая головная щётка»*) [Булгаков, 1992, с. 167]), псевдочеловек прибегает к переодеванию, одежда выступает способом маскировки истинного лица: *«Лиджак, прорванный под левой мышкой, был усеян соломой, полосатые брючки на правой коленке продраны, а на левой выпачканы лиловой краской. На шее у человека был повязан ядовито-небесного цвета галстук с фальшивой рубиновой булавкой. Цвет этого галстука был настолько бросок, что время от времени, закрывая утомлённые глаза, Филипп Филиппович в полной тьме то на потолке, то на стене видел пылающий факел с голубым венцом. Открывая их, слеп вновь, так как с полу, разбрызгивая веера света, бросались в глаза лаковые штиблеты с белыми гетрами. “Как в калошах” <...>»* [Там же, с. 167—168]. Искусственность облика героя подчеркивается употреблением прилагательного *«фальшивый»* в значении ‘поддельный, ненастоящий, ложный’ (*«галстук с фальшивой рубиновой булавкой»*) [Там же, с. 168]. Психологическое неприятие себя приводит к физическому отторжению, следствием которого становится попытка придать respectable вид

с помощью нового костюма. Наряд Шарикова следует воспринимать как активную демонстрацию-вызов, обусловленную желанием героя не просто выделяться из толпы, а продемонстрировать смену социального статуса, причастность к группе власти: *«Полиграф вошел с необыкновенным достоинством, в полном молчании снял кепку, пальто повесил на рога и оказался в новом виде. На нем была кожаная куртка с чужого плеча, кожаные же потертые штаны и английские высокие сапожки на шнуровке до колен»* [Там же, с. 198]. С должностью заведующего подотделом очистки у персонажа появляется не только новый костюм, но особая манера поведения (*«вошел с необыкновенным достоинством»*). Смена наряда не исчерпывается переодеванием, меняется речь самозванца: *«Ну, что же пахнет... известно. По специальности. Вчера котов душили, душили»* [Там же, с. 198]. Однако внутреннее наполнение личности в данном случае остается ничтожно малым в сравнении с ее ролевой заявкой.

В самозванстве Полиграфа Полиграфовича Шарикова заключен символический смысл, оно помогает Булгакову одновременно показать деформацию и человека, и общества в исторической проекции и утверждать, что самозванность героя — это результат нового времени. Ситуация «смуты» в новой России после 1917 года вызвала к жизни явление самозванства: революция отменила старые (имперские) принципы общественной жизни, человек, отказавшись от иерархии, регламентации и порядка, бросился в омут хаоса и анархии. Чувствуя себя уверенно в новой фантазмагорической реальности (*«маленькие глазки смотрели на мир изумленно и в то же время уверенно, что-то развязное было в коротких ногах с плоскими ступнями»*) [Там же, с. 81]), самозванцы спокойно перемещаются по карьерной лестнице, примеряя новые маски-роли. Данное положение дает нам право согласиться с И. С. Урюпиным, утверждающим, что «в осмыслении феномена самозванства Булгаков попытался постичь метафизический путь России, переживающей в XX веке эпоху “новой смуты”» [Урюпин, 2009, с. 299].

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги анализа явления самозванства в «московских» повестях М. А. Булгакова отметим, что в XX веке время монархических самозванцев прошло, но само явление не утратило жизненности, найдя новые сферы для проявления. Булгаковские самозванцы для приложения своих сил и реализации непомерных амбиций выбрали социально-бытовую сферу: они с «рвением» обустроивают карьеру, личную жизнь и быт. В погоне за «призами» и «титулами» они, не гнушаясь никакими средствами и не брезгуя никакими методами, наступают, стремясь занять лучшее место. В самозванстве булгаковских героев заложено не созидательное, а разрушительное начало: близ-

нецы Кальсонеры доводят до сумасшествия Короткова («Дьяволиада»), Шариков устраивает потоп в квартире Преображенского («Собачье сердце»), результатом безумного «эксперимента» Рокка становится нашествие гадов на Москву («Роковые яйца»). Выбор самозванства как формы поведения обусловлен уровнем нравственного релятивизма персонажа.

На примере персонажей «московских» повестей можно утверждать, что самозванство — это качество маргинальной личности: «Маргинальность тесно, если не сказать — интимно, связана с самозванством» [Тулчинский, 2019, с. 120—121]. Маргинальная личность, по мнению Г. Л. Тулчинского, «обладая обременительной свободой, требует авторитета, но все же остается принципиально незавершенным человеком» [цит. по: Рыжова, 2009, с. 207]. Герой «с родословной, определенный, довлеющий себе характер» чужд самозванству» [Там же, с. 207], поэтому так яростно сопротивляется Варфоломеем Коротков в «Дьяволиаде» навязыванию ему новой личности Василия Колобкова, мошенника и вора.

Мы можем утверждать, что, изображая «бытовое самозванство», Булгаков показывает эволюцию этого явления, выводя следующие его виды: мнимое (поневоле), самозванство «от имени идеи» и самозванство антропологическое. Наличие у персонажей признаков самозванных «амплуа» позволяют взглянуть на творчество Булгакова с новой стороны и увидеть связь между самозванством и ситуацией в России после революции 1917 года.

Литература

1. Арканникова М. С. Самозванство как объект социально-политологического анализа / М. С. Арканникова // Философские науки. — 2009. — № 12. — С. 27—44.
2. Булгаков М. А. Собрание соч. в 5 томах. Дьяволиада ; Роковые яйца ; Собачье сердце ; Рассказы ; Фельетоны / М. А. Булгаков. — Москва : Художественная литература, 1992. — Т. 2. — 751 с. — ISBN 5-280-00761-7.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — Москва, 2003. — Т. 4. — 683 с. — ISBN 5-9576-0053-9.
4. Злочевская А. В. Два самозванца в русской литературе, или Еще один пушкинский сюжет в «Ревизоре»? / А. В. Злочевская // Русская словесность. — 2003. — № 4. — С. 7—14.
5. Ильенко С. Г. Самозванство и случай как содержательно-интегрирующие доминанты художественно-стилевой основы «Повестей покойного Ивана Петрович Белкина» / С. Г. Ильенко // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Научный журнал. Общественные и гуманитарные науки. (Философия, языковедение, литературоведение, культурология, история, социология, экономика, право). — 2005. — № 5 (11). — С. 100—113.
6. Карушева М. Ю. Славянофильская драма. Проблема национального самоопределения и поэтика : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / М. Ю. Карушева. — Москва, 1997. — 45 с.
7. Ключевский В. О. Курс русской истории. Сочинения : В 9 т. / В. О. Ключевский. — Москва : Мысль, 1988. — ISBN 5-244-00072-1.

8. *Короленко В. Г.* Современная самозванщина / В. Г. Короленко. Полн. собр. сочинений : в 10 т. / В. Г. Короленко. — Санкт-Петербург : А. Ф. Маркс, 1914. — Т. 3. — С. 271—368.
9. *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604—1613 / Н. И. Костомаров. — Москва : Чарли, 1994. — 228 с. — ISBN 5-86859-005-6.
10. *Круглов А. Г.* Словарь. Психология и характерология понятий / А. Г. Круглов. — Москва : Российское гуманистическое общество, 2003. — 441 с. — ISBN 5-87387-009-8.
11. *Лотман Ю. М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века / Ю. М. Лотман // Избранные работы : в 3 т. — Таллин : Александра, 1992. — Т. 1. — С. 248—268.
12. *Макаренко Е. К.* Жанровый аспект сюжета самозванства в русской драматургии и историографии конца XVIII — первой трети XIX конца вв. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. К. Макаренко. — Томск, 2002. — 24 с.
13. *Мауль В. Я.* Социокультурное пространство русского бунта : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.02 / В. Я. Мауль. — Томск, 2005. — 43 с.
14. *Мордовцев Д. Л.* Самозванцы и понизовая вольница : Ист. Монография : в 2-х т. / Д. Л. Мордовцев. — Санкт-Петербург ; Москва : М. О. Вольф, 1867.
15. *Панченко А. М.* Русская история и культура : Работы разных лет / А. М. Панченко. — Санкт-Петербург : Издательство «Юна», 1999. — 520 с. — ISBN 5-86720-007-8.
16. *Поддубная Р. Н.* Двойничество и самозванство / Р. Н. Поддубная // Достоевский Ф. М. : материалы и исследования. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — № 11. — С. 34—39.
17. *Полтавец Е.* “Незванные гости” и самозванцы в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина / Е. Полтавец // Литература. — 2004. — № 26. — С. 39—51.
18. *Пригов Д. А.* Само-иденти-званство / Д. А. Пригов // Место печати. Журнал интерпретационного искусства. — 2001. — № 13. — С. 10—32.
19. *Рыжова Е. А.* Феномен самозванства. Генезис и истоки. История изучения / Е. А. Рыжова // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2009. — Выпуск 10 (78). — С. 205—208.
20. *Смирнов И. П.* Самозванство, или Ролевая революция / И. П. Смирнов // Место печати. Журнал интерпретационного искусства. — 2001. — № 13. — С. 33—58.
21. *Снигирева С. Д.* Мотив самозванства и сектантский контекст в «Бесах» / С. Д. Снигирева // Русская литература. — 2019. — № 4. — С. 81—91. — DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-81-91.
22. *Соловьев С. М.* Заметки о самозванцах в России / С. М. Соловьев // Русский архив. — 1868. — Выпуск 2. — Стб. 265—281.
23. *Татищев В. Н.* История Российская : В 7 т. / В. Н. Татищев. — Ленинград : АН СССР, 1968.
24. *Тульчинский Г. Л.* Феноменология зла и метафизика свободы / Г. Л. Тульчинский. — Санкт-Петербург : Алетей, 2019. — 484 с. — ISBN 975-5906980-76-2.
25. *Турбин В. Н.* Характеры самозванцев в творчестве Пушкина / В. Н. Турбин // Незадолго до Водолея : сборник статей. — Москва : Радикс, 1994. — С. 63—88. — ISBN 5-86463-021-7.
26. *Тюпа В. И.* Художественность / В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман // Введение в литературоведение. Литературное произведение : основные понятия и термины : Учебное Пособие. — Ленинград-Москва : Высшая школа ; Академия, 1999. — 556 с. — ISBN 5-06-003357-0.

27. Тюпа В. И. Художественность литературного произведения : Вопросы типологии / В. И. Тюпа. — Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1987. — 217 с.
28. Урюпин И. С. Архетип «русского бунта» в творчестве М. А. Булгакова : национальный историко-культурный феномен самозванства и его воплощение в романе «Белая гвардия» и пьесе «Батум» / И. С. Урюпин // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2009. — № 5. — С. 289—301.
29. Усенко О. Г. Кто такой «самозванец?» / О. Г. Усенко // Путь познания истории России : новые подходы и интерпретации. Серия «Новая перспектива». — Москва : Московский общественный научный фонд, 2001. — Выпуск XX. — С. 51—63.
30. Успенский Б. А. Царь и самозванец : самозванчество в России как культурно-исторический феномен / Б. А. Успенский // Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. — Москва : Гнозис, 1994. — Т. I. — ISBN 5-88766-007-4.
31. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. / М. Фасмер ; пер. с нем. О. Н. Трубачева. — Москва : Прогресс, 1987. — Т. 3. — 830 с.
32. Флоренский П. А. Имена / П. А. Флоренский. — Москва : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 1998. — 909 с. — ISBN 5-04-001315-9.
33. Фирсов Н. Н. Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни / Н. Н. Фирсов. — Санкт-Петербург ; Москва : Вольф, 1910. — 50 с.

References

- Arkannikova, M. S. (2009). Imposture as an object of socio-political analysis. *Philosophical sciences*, 12: 27—44. (In Russ.).
- Bulgakov, M. A. (1992). *Collection of Op. in 5 volumes, 2. Diaboliad; Fatal eggs; Dog's heart; Stories; Feuilletons*. Moscow: Fiction. 751 p. ISBN 5-280-00761-7. (In Russ.).
- Dal, V. I. (2003). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes, 4*. Moscow: Artistic literature. 683 p. ISBN 5-9576-0053-9. (In Russ.).
- Fasmer, M. (1987). *Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes, 3*. Moscow: Progress. 830 p. (In Russ.).
- Firsov, H. H. (1910). *Razinovshchina as a sociological and psychological phenomenon of people's life*. St. Petersburg; Moscow: Wolf. 50 p. (In Russ.).
- Florensky, P. A. (1998). *Names*. Moscow: EKSMO-Press; Kharkiv: Folio. 909 p. ISBN 5-04-001315-9. (In Russ.).
- Ilyenko, S. G. (2005). Imposture and chance as content-integrating dominants of the artistic and stylistic basis of the “Stories of the late Ivan Petrovich Belkin”. *Bulletin of the RSPU named after A. I. Herzen*, 5 (11): 100—113. (In Russ.).
- Karusheva, M. Y. (1997). *Slavophile drama. The problem of national self-determination and poetics*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 45 p. (In Russ.).
- Klyuchevsky, V. O. (1988). *Course of Russian history. Essays: In 9 volumes*. Moscow: Mysl. ISBN 5-244-00072-1. (In Russ.).
- Korolenko, V. G. (1914). Modern imposture. In: *Complete collection. works: in 10 volumes, 3*. St. Petersburg: A. F. Marx. 271—368. (In Russ.).
- Kostomarov, N. I. (1994). *The time of Troubles of the Moscow state at the beginning of the XVII century. 1604—1613*. Moscow: Charlie. 228 p. ISBN 5-86859-005-6. (In Russ.).
- Kruglov, A. G. (2003). *Dictionary. Psychology and characterology of concepts*. Moscow: Russian Humanistic Society. 441 p. ISBN 5-87387-009-8. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1992). Poetics of everyday behavior in Russian culture of the XVIII century. In: *Selected works: in 3 volumes, 1*. Tallinn: Alexandra. 248—268. (In Russ.).

- Makarenko, E. K. (2002). *Genre aspect of the plot of imposture in Russian dramaturgy and historiography of the end of the Khush — the first third of the XIX — late centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Tomsk. 24 p. (In Russ.).
- Maul, V. Ya. (2005). *The socio-cultural space of the Russian revolt*. Author's abstract of Doct. Diss. Tomsk. 43 p. (In Russ.).
- Mordovtsev, D. L. (1867). *Impostors and low-level freemen: Ist. Monograph: in 2 volumes*. St. Petersburg; Moscow: M. O. Wolf. (In Russ.).
- Panchenko, A. M. (1999). *Russian history and culture: Works of different years*. Saint Petersburg: Publishing house "Una". 520 p. ISBN 5-86720-007-8. (In Russ.).
- Poddubnaya, R. N. (1994). *Duality and imposture, II*. St. Petersburg: Nauka. 34—39. (In Russ.).
- Poltavets, E. (2004). "Uninvited guests" and impostors in A. S. Pushkin's "Captain's Daughter". *Literature, 26*: 39—51. (In Russ.).
- Prigov, D. A. (2001). Self-identification. Place of printing. *Journal of Interpretive Art, 13*: 10—32. (In Russ.).
- Ryzhova, E. A. (2009). The phenomenon of imposture. Genesis and origins. History of study. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 10 (78)*: 205—208. (In Russ.).
- Smirnov, I. P. (2001). Imposture, or Role-playing revolution. Place of printing. *Journal of Interpretive Art, 13*: 33—58. (In Russ.).
- Snigireva, S. D. (2019). The motive of imposture and the sectarian context in "Demons". *Russian literature, 4*: 81—91. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-81-91. (In Russ.).
- Solovyov, S. M. (1868). Notes on impostors in Russia. *Russian Archive, 2*: 265—281. (In Russ.).
- Tatishchev, V. N. (1968). *Russian History: In 7 volumes*. Leningrad: USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
- Tulchinsky, G. L. (2019). *Phenomenology of evil and metaphysics of freedom*. Saint Petersburg: Aleteya. 484 p. ISBN 975-5906980-76-2. (In Russ.).
- Turbin, V. N. (1994). Characters of impostors in the works of Pushkin. In: *Shortly before Aquarius: collection of articles*. Moscow: Radiks. 63—88. ISBN 5-86463-021-7. (In Russ.).
- Tyupa, V. I., Khalizev, V. E., Broitman, S. N. (1999). Artistry. In: *Introduction to literary criticism. Literary work: basic concepts and terms: Textbook*. Leningrad-Moscow: Higher School; Academy. 556 p. ISBN 5-06-003357-0. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (1987). *The artistry of a literary work: Questions of typology*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Press. 217 p. (In Russ.).
- Uryupin, I. S. (2009). The archetype of the "Russian revolt" in the works of M. A. Bulgakov: the national historical and cultural phenomenon of imposture and its embodiment in the novel "The White Guard" and the play "Batum". *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University, 5*: 289—301. (In Russ.).
- Usenko, O. G. (2001). Who is an "impostor?". In: *Path of cognition of the history of Russia: new approaches and interpretations. The "New Perspective" series, XX*. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation. 51-63. (In Russ.).
- Uspensky, B. A. (1994). The Tsar and the Impostor: Imposture in Russia as a cultural and historical phenomenon. In: *Selected works. Semiotics of history. Semiotics of culture, I*. Moscow: Gnosis. ISBN 5-88766-007-4. (In Russ.).
- Zlochevskaya, A. V. (2003). Two impostors in Russian literature, or Another Pushkin plot in "The Inspector"? *Russian Literature, 4*: 7—14. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 20.12.2022,
одобрена после рецензирования 20.01.2023,
подготовлена к публикации 30.01.2023.